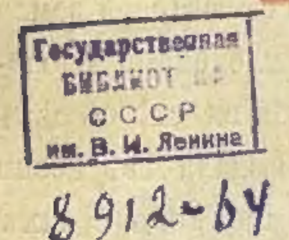

ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ ОЛЬГА

ПОВѢСТЬ ИЗЪ РУССКОЙ СТАРИНЫ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

РОССІЯ ВРЕМЕНЪ РЮРИКА, ИГОРЯ, ОЛЕГА.

«Идите и проповѣдите Евангеліе всей твари.»

На основаніи этихъ завѣтныхъ словъ Спасителя, Греція и Римъ посылали, отъ времени до времени, по всей вселенной благовѣстителей новаго ученія, новыхъ мыслей, новыхъ правилъ и нравственныхъ законовъ. Одни пошли на Югъ, другіе на Сѣверъ, иные на Западъ, другіе на Востокъ.... Избранные старцы—проповѣдники, со знаменіемъ креста въ рукахъ, посѣщая многія страны, достигли отдаленнаго Сѣвера,—жилища нашихъ предковъ въ Россіи;—низпровергли идоловъ и, вмѣсто дикаго мщенія, проповѣдали прощеніе обидъ... Во всѣхъ странахъ они находили много сопротивленій между бѣдными и богатыми, и терпѣли гоненіе отъ сильныхъ и ничтожныхъ земли... Тогда они молились, постились

и надѣялись;— сверхъ того они — *они любили...* и этой христіанской любовью, они обращали многихъ жителей земли Русской, тогда еще населенной дикими племенами идолопоклонниковъ. Постоянно и строго наблюдая вмѣстѣ съ тѣмъ и за собой, они, съ помощью Божіей, побѣждали всѣ козни древняго врага, повергая его къ подножію ногъ своихъ, уничтожая всѣ его замыслы — воздержаніемъ, смиреніемъ и молитвой... Но, слишкомъ ревностные въ исполненіи подвига, они и другихъ судили по силѣ твердости своего характера и не были довольно снисходительны ко вновь пріобрѣтеннымъ братіямъ — Христіанамъ; они усердно пасли стадо Христово, но питали его грубой пищей, тамъ гдѣ нужно было предлагать одно млеко ученія новорожденнымъ въ вѣрѣ, и подражая божественному Учителю, носить на раменахъ своихъ овецъ стада Его. Часто они оставляли ихъ однихъ взбираться по крутизнамъ, для неопытныхъ неофитовъ, непроходимыхъ путей, — затрудненіе, которое устрашало слабыхъ, и современемъ опять возвращало ихъ къ прежнему идолопоклонству, болѣе сродному съ ихъ дикой жизнью.

Понятно, что по неопытности своихъ просвѣтителей, Христіанство весьма медленно распространялось въ Росіи. Тамъ только можно было видѣть болѣе успѣха, гдѣ являлись старцы мудрые, достойные послѣдователи Христа и его Св. Апостоловъ.

Одинъ изъ такихъ миссіонеровъ былъ человѣкъ замѣчательнаго характера, по имени Отецъ Кириллъ, посланный, вмѣстѣ съ другими изъ Константинополя Греческимъ Царемъ и Патріархомъ въ разные города Россіи, какъ то: въ Кіевъ, Псковъ, Новгородъ и многіе другіе.

Въ то время княжили въ Кіевѣ основатели его Аскольдъ и Диръ, пришедшіе изъ Варяжской земли вмѣстѣ съ добрымъ и мудрымъ Рюрикомъ, о правосудіи котораго молва достигла Славянъ, нашихъ предковъ, и дала имъ мысль призвать его княжить на Руси. Но не смотря на мудрое правленіе Рюрика, нашлись неблагомыслящіе люди, которые искали уничтожить права, ими же самими утвержденныя. Но Князь имѣлъ твердый характеръ; онъ успѣлъ, противоборствуя крамольникамъ, удержать сильной рукою бразды правленія, и тѣмъ съ перваго раза подавилъ духъ возстанія, и пріобрѣлъ чрезъ то, болѣе чѣмъ когда либо, утвержденіе законнаго права на обладаніе своими новыми подданными,—предоставляя недовольнымъ свободу оставить страну и престольный градъ.

Славный Новгородъ, нынѣ совершившій торжество тысячелѣтія своего историческаго существованія, былъ избранъ Рюрикомъ,—первымъ владѣтельнымъ Княземъ нашего отечества,— постояннымъ мѣстопребываніемъ своимъ. Въ то самое время находились при дворѣ его, пришедшіе съ нимъ въ Россію витязи Аскольдъ и Диръ. Взысканные милостью Великаго Князя, и гонимые родственникомъ его Олегомъ, они нашли случай удалиться. При смутныхъ обстоятельствахъ, описанныхъ выше, они оставили Новгородъ съ намѣреніемъ искать счастія въ иныхъ странахъ земли; и многіе другіе витязи послѣдовали за ними.

Слѣдуя по теченію рѣки Днѣпра, Аскольдъ и Диръ со своей дружиной вышли на берегъ у небольшаго селенія, называемаго *Кіевомъ*.

Они нашли тамъ самый умѣренный климатъ, богатую пастбищами и плодоносную почву и самые лучшіе плоды;

Но, къ сожалѣнію, жители той страны, не смотря на всѣ эти преимущества, жили бѣдно, раззоренные тягостью податей, платимыхъ немилосерднымъ и враждебнымъ Хозарамъ.

Иноземные князья, соединясь съ угнетенными жителями Кіева, пошли войной противъ Хозаръ; и побѣдя ихъ, освободили кіевлянъ отъ несправедливой дани. Въ знакъ благодарности, Кіевляне предложили счастливымъ побѣдителямъ княжить надъ всею освобожденною ими страной; — на что князья охотно согласились.

Со временемъ, жители Кіева увидали свою ошибку. Избранные ими князья не были добры и мудры, подобно Рюрику. Не довольствуясь обладаніемъ такъ легко пріобрѣтенной ими области, они старались распространить свои владѣнія завоеваніемъ. Собрали войско, съ намѣреніемъ завоевать Царьградъ, тогда еще столицу Византійской Имперіи, но корабли, которые они соорудили съ большимъ трудомъ, почти всѣ были истреблены бурею, и большое число войска ихъ погибло, безъ боя, благодаря молитвамъ греческаго Патріарха Поліевкта, святаго старца, который день и ночь просилъ усердно Бога избавить отъ враговъ любезное отечество!... Справедливо приписывая бѣдствіе внезапной бури наказанію Божію, посланному на нихъ за то, что они мечтали разрушить христіанской городъ, Аскольдъ и Диръ сами рѣшились принять Православную вѣру, дабы умилостивить Бога, защитника Христіанъ. Возвратясь домой и порѣшивъ этотъ вопросъ въ собраніи опытныхъ людей, кіевскіе князья съ общаго согласія отправили пословъ въ Грецію просить у Патріарха и Императора крещенія своему народу.

Вслѣдствіе этой просьбы миссіонеры были посланы въ

Кіевъ научить народъ Православной вѣрѣ Христовой, и устроить тамъ церкви.

Послѣ этого замѣчательнаго событія въ нашей исторіи, положившаго начало Христіанства въ Россіи Аскольдъ и Диръ не долго сохранили свое княженіе въ Кіевѣ. Со смертію Рюрика, правленіе въ Россіи и воспитаніе маленькаго Игоря наслѣдника престола, было поручено родственнику его Князю Олегу. Подъ предлогомъ, что будто Кіевъ съ давнихъ временъ принадлежалъ владѣніямъ Рюрика, Олегъ, по праву сильнаго, безъ суда повелѣлъ умертвить несчастныхъ Князей Аскольда и Дира, а городъ Кіевъ присоединить къ прочимъ областямъ и наименовать его столицею Великокняжества Русскаго.

Въ началѣ нашего расказа, Игорь возросталъ красотой и разумомъ, подавая самыя лестныя надежды, являя всѣ добрыя качества души покойнаго отца своего Рюрика, который мудрымъ правленіемъ упрочилъ счастіе русскаго народа; а самъ Правитель Олегъ, хотя былъ жестокъ и войнолюбивъ, но племянника своего, Игоря, старался воспитать достойнымъ преемникомъ всѣми уважаемаго князя, пріучая его ко всѣмъ лишеніямъ жизни, къ труду и подвигамъ войны, а въ мирное время, наставляя какъ судить народъ и вести его къ высокимъ цѣлямъ чести и славы.

Едва Игорь достигъ юношескаго возраста, охота — занятіе необходимое для развитія силъ и полезное для здоровья молодаго человѣка,—была увеселеніемъ, которымъ дозволено ему было пользоваться свободно. Онъ преслѣдовалъ медвѣдя, волка и лисицу. Сѣрая бѣлка, соболь и песецъ доставляли ему дорогія мѣха на шубы. Въ такомъ занятіи, Игорь выросъ статнымъ молодцемъ. Одаренный храбростію и смѣлымъ духомъ

онъ привыкъ переносить стужу, снѣгъ, дождь, бурю и непогоды. Казалось, въ немъ соединялись всѣ качества, необходимыя для благоденствія, подвластнаго ему народа. Но при всѣхъ его достоинствахъ, Игорь не имѣлъ понятія объ Истинномъ Богѣ, и поклонялся Перуну и другимъ богамъ скандинавскимъ. А потому, не будемъ удивляться если въ жизни его встрѣчаемъ жестокіе и несправедивые поступки. Не просвѣщенные познаніемъ Истинной Вѣры, всегда блуждаютъ во тмѣ дикихъ понятій своихъ. Такъ, во времена Рюрика и Олега, храбрость признавали единственною добродѣтелью, месть—законнымъ правомъ удовлетворенія обидъ. Лишенные правильныхъ понятій объ истинномъ достоинствѣ человѣка, люди являлись взыскательными ко всѣмъ и снисходительными только къ себѣ; не сознавая своихъ душевныхъ недостатковъ, они слишкомъ строго судили поступки другихъ, не извиняли въ нихъ слабостей и ошибокъ, не знали сострадания, не умѣли прощать, — тогда какъ одно христіанское милосердіе и есть свѣтъ истиннаго просвѣщенія, озаряющій разумъ человѣка къ познанію правосудія и добра.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Зимняя ночь во Псковѣ. Отецъ Кириллъ

Она плыветъ, она сіяетъ
Въ безбрежной влагѣ облаковъ,
И тихимъ свѣтомъ озаряетъ
Долину сѣверныхъ снѣговъ.

О! какое восхитительное зрѣлище—лунная, зимняя ночь въ Россіи!... но она холодна и безжизненна.... одни волки только бродятъ съ мѣста на мѣсто за добычей, не оставляя слѣдовъ на необозримыхъ равнинахъ снѣжнаго полотна... да и тѣ спѣшатъ воротиться въ свои логовища и берлоги, какъ бы боясь нарушить тишину ночей. Ни дома, ни жилья не видно въ пространствѣ снѣжныхъ степей... все гладко, чисто, холодно и тихо... все молчитъ въ разливѣ таинственнаго полу-свѣта....

Кто видитъ эту картину въ первый разъ, тотъ невольно остановится, пораженный изумленіемъ, и въ восторгѣ громко исповѣдаетъ величіе Творца Небеснаго:

— Всемогущій Богъ все это сотворилъ...

— Всемогущій Богъ все это создалъ единымъ словомъ! тихо проговорилъ старикъ путешественникъ, пробираясь нога за ногу къ близь лежащему селенію, которое становилось все виднѣе и виднѣе...

— Эти свѣтила небесныя, сіяющія въ безмолвіи ночей, намъ непостижимы. Намъ неизвѣстно, какія еще новыя планеты они освѣщаютъ?.. Обитаемы ли онѣ или необитаемы? И кто ихъ жители? Не духи-ли высшаго созданія?

Старикъ остановился и задумался... но скоро забота о тѣхъ, для которыхъ онъ такъ много трудился, опять заговорила въ его сердцѣ.

— Боже, Отче Вседержитель! шепталъ онъ въ тихой молитвѣ, — приведи и этихъ несчастныхъ на путь истины... Онъ молился о язычникахъ, нашихъ предкахъ.

— Содѣлай ихъ чадами свѣта... даруй имъ безгрѣшные и свѣтлые дни... въ познаніи Имяни Твоего, во исполненіи заповѣдей Твоихъ Святыхъ. Да просвѣтлѣютъ сердца ихъ, на подобіе свѣтилъ небесныхъ, озаряющихъ вечерній часъ запоздалаго путника, жаждущаго отдыха подъ благодѣтельнымъ кровомъ...

Эта молитва ободрила старца — миссіонера надеждой, что она будетъ услышана.

Отецъ Кириллъ, тотъ самый, о которомъ упоминали мы выше, казалось виду былъ лѣтъ шестидесяти. Наружность его была почтенная и привлекательная. Тихая улыбка озаряла его лице, когда онъ, возведя глаза къ небу, молился... Одежда, по обычаю страны, которою онъ посѣтилъ, была изъ простыхъ овчинъ. Обхватывая тѣсно его станъ, она хорошо оберегала его отъ холода... ноги его были обвиты тѣмъ же мѣхомъ... Въ рукахъ онъ держалъ остроконечную дубинку. Вѣрный

спутникъ его по гладкому снѣгу, она служила ему опорой и обороной отъ лающихъ псовъ. Приближаясь къ селенію, онъ едва переступалъ отъ усталости, но тамъ, на вѣрное, надѣялся найдти гостепріимный ночлегъ и добрый ужинъ.

Въ виду селенія, онъ не боялся провести ночь подъ открытымъ небомъ. У первой двери, навѣрное, гдѣ-бы не постучался, онъ услышитъ голосъ хозяина, приглашающій его отдохнуть отъ дальняго пути, — и зналъ по опыту, что въ Русской землѣ, самый бѣдный хозяинъ дома, охотно раздѣляетъ со спутникомъ все, *что есть* у него *въ печи*».

Русскій народъ извѣстенъ своимъ гостепріимствомъ, и всегда готовъ накормить *«чѣмъ Богъ послалъ»*. Особенно у крестьянъ ведется обычай, не отпускать безъ пищи и подаянія бѣднаго странника, по преданію и наставленію благочестивыхъ родителей, которыхъ память и совѣты они свято хранятъ, напоминая ихъ и своимъ дѣтямъ. Они твердо вѣрятъ, что благословеніе родителей приноситъ счастье ихъ семействамъ, и дорожатъ этимъ благословеніемъ болѣе всего на свѣтѣ... Часто старики разсказываютъ своимъ дѣтямъ, какъ бабушка была добра, какъ дѣдушка былъ трудолюбивъ, и тѣмъ возбуждаютъ все семейство къ подражанію ихъ благочестивой жизни. Въ каждомъ домѣ, бѣдномъ или богатомъ, вы непремѣнно найдете собачку, кошку, голубей, которыхъ кормятъ и ласкаютъ... Все это зналъ... все это часто видалъ своими глазами отецъ Кириллъ...

Довѣрчиво постучался онъ у дверей дома той маленькой деревни, которая стояла на горѣ и была видна изъ далека съ луговой стороны.

Здѣсь, небольшія хижинки безъ трубъ, казалось, недавно были выстроены; онѣ были грубой постройки тѣхъ отдален-

ныхъ вѣковъ. Дверь, у которой постучался нашъ усталый путникъ, немедленно отворилась, и пріятный мужской голосъ съ привѣтствіемъ—«милости просимъ!»—пригласилъ его войдти.

Снимая шапку, отецъ Кириллъ три раза перекрестился, лишь только переступилъ порогъ.

— Миръ дому сему!... проговорилъ онъ, смиренно кланяясь.

Не въ первый разъ слова мира раздавались подъ кровомъ добрыхъ поселянъ... Хозяева дома тотчасъ узнали въ путешественникѣ христіанина. Хотя Богъ, въ котораго вѣровалъ отецъ Кириллъ, для этихъ бѣдныхъ идолопоклонниковъ былъ *невѣдомымъ Богомъ*, подобно надписи: «*невѣдомому Богу*» на греческомъ храмѣ въ Аѳинахъ, во времена Святаго Апостола Павла. Имя истиннаго Бога, тогда еще едва достигало ихъ слуха, но они приняли пришедшаго къ нимъ почтеннаго старца также привѣтливо, какъ если-бы онъ былъ поклонникомъ Перуна.

Когда отецъ Кириллъ вошелъ, вся семья уже сидѣла за вечернимъ столомъ замѣчательной чистоты, рѣзко отличающейся отъ черныхъ, закоптѣлыхъ отъ дыма стѣнъ избы. Домъ былъ выстроенъ безъ трубы, и дымъ изъ печи, когда она топилась, проходя сквозь отверстіе въ стѣнѣ, наполнялъ всю горницу и особенно коптилъ потолокъ.

Въ сѣверныхъ, отдаленныхъ губерніяхъ Россіи, еще и теперь можно видѣть такое стародавнее устройство печей. Комната, въ которую вошелъ отецъ Кириллъ, освѣщалась сосновой лучиной, которая торчала въ стѣнѣ и распространяла по всей избѣ копоть—непріятную для нѣжнаго обонянія,—но добрый нашъ миссіонеръ, въ дальнихъ своихъ

путешествіяхъ по Россіи, привыкъ все переносить терпѣливо. Онъ добродушно принялъ приглашеніе хозяина отъужинать съ нимъ и его семействомъ.

Благочестиво перекрестясь, въ короткой молитвѣ онъ просилъ Бога благословить трапезу, ему предлагаемую.

Окончивъ молитву, онъ сѣлъ.

Тогда онъ увидѣтъ передъ собою прелестную дѣвочку—удивительной красоты... Ея большіе голубые глаза, оттѣнялись бахрамой черныхъ рѣсницъ, и придавали всему лицу скромное и задумчивое выраженіе,—какое рѣдко можно встрѣтить у дѣтей ея возраста.

Дѣвочкѣ казалось было не болѣе пяти лѣтъ.

Отецъ Кириллъ едва могъ вѣрить, что бы это дитя, съ нѣжнымъ личикомъ, принадлежало бѣднымъ поселянамъ; но всматриваясь долѣе, замѣтилъ въ ней сходство съ женщиной въ простой одеждѣ, которая тутъ же сидѣла за столомъ.

— Эта милая дѣвочка, конечно дочь ваша? спросилъ онъ хозяина.

— Да, мое единственное дитя, отвѣтилъ тотъ, взглянувъ ласково на дочь и на добрую жену, съ которой, какъ видно, онъ жилъ счастливо.

— Богъ очень милостивъ къ тебѣ, мой сынъ,—онъ далъ тебѣ двухъ друзей, достойныхъ твоей любви; но только бойся ихъ любить болѣе Того, кто тебя ими осчастливилъ. Его должно любить болѣе всего на свѣтѣ.

— Я тебя не понимаю, отецъ мой, отвѣчалъ ему добродушный хозяинъ. — Я поклоняюсь только богамъ моихъ предковъ; Князь нашъ имъ поклоняется также и почтенный родственникъ его Олегъ правитель.—Я благодарю

боговъ за все, что имѣю... Часто слыхалъ я отъ покойнаго отца моего, о той странѣ, которую онъ оставилъ, слѣдуя за княземъ Рюрикомъ, и какъ грустилъ онъ, что умирая здѣсь, ляжетъ въ землю, хотя богатую и плодоносную, но менѣе любимую имъ, чѣмъ земля его милой родины... А я родился уже въ этой странѣ... Здѣсь и умру—если это богамъ угодно будетъ. Развѣ князь Игорь пошлетъ насъ воевать въ чужеземныя страны... Я никогда еще не видалъ нашего батюшку князя, но люди говорятъ, что онъ красивый и славный юноша, и что достоинъ имѣть вѣрныхъ подданныхъ... Я и самъ готовъ идти воевать за него,—куда онъ пошлетъ.

— Но кто же будетъ насъ беречь и кормить, когда ты пойдешь на войну? спросила маленькая Предслава, быстро устремляя взоръ на отца, — а въ глазахъ матери ея блеснула слеза...

— Я не знаю, друзья мои, кто васъ будетъ беречь безъ меня... Но знаю то, что обязанность каждаго изъ насъ защищать права своего князя и отечества... Но за чѣмъ горевать о томъ, чего еще нѣтъ... Не огорчайте болѣе нашего гостя и будьте веселѣе.

Въ продолженіи ужина, нашъ миссіонеръ разговаривалъ о земледѣльческихъ трудахъ хозяина, о пашнѣ, о жнитвѣ, о сѣнокосахъ, и узналъ, что отецъ его пришелъ въ Россію изъ за моря съ княземъ Рюрикомъ и, нашедъ здѣсь плодоносную почву, поселился, обучивъ сына своего,—настоящаго владѣльца дома,—всему, чему самъ былъ обученъ отъ предковъ своихъ въ искусствѣ хлѣбопашества. Благословенное занятіе это извѣстно было чужеземнымъ выходцамъ, пришедшимъ съ Рюрикомъ въ Россію. Со временемъ, когда междоусобныя распри затихли во враждебныхъ племенахъ, многіе остави-

ли кочевую жизнь, и поселились, здѣсь и тамъ, по всей Россіи. Начали строить, вмѣсто землянокъ, грубыя жилища изъ лѣса, и разработывать плодородную землю своей страны. Но не вездѣ эта новая почва была равно выгодна, хотя повсемѣстно переселенцы находили достаточную награду за труды.

Поужинавъ, хозяинъ пошелъ посмотрѣть скотинку свою, а миссіонеръ продолжалъ съ его семьей прерванный разговоръ.

— Дочь моя, сказалъ онъ Предславѣ, подходя ближе къ ней и взявъ ее на руки. — Ты спрашивала отца, возможно-ли, что бы онъ оставилъ васъ и ушелъ на войну за князя Игоря? и ты желала знать, кто тогда будетъ васъ беречь?. Я могу дать тебѣ отвѣтъ, и, положивъ руку ласково ей на голову, старикъ сказалъ:—Богъ васъ обѣихъ будетъ беречь и хранить.

Дѣвочка съ удивленіемъ взглянула на миссіонера, и спросила:

— Который богъ будетъ насъ беречь?..

— Конечно Перунъ, богъ войны! отвѣтила мать.

— Нѣтъ, ты ошибаешься,—не онъ,—а Богъ, творецъ неба и земли, и вождь царей!.. Богъ, который пришелъ съ небесъ умереть за насъ бѣдныхъ, погибшихъ овецъ своего стада; Богъ, который тебя и всѣхъ васъ сотворилъ; который недремлющимъ окомъ охраняетъ день и ночь беззащитныхъ вдовъ и сиротъ...

— Мама, мнѣ спать хочется! сказала дѣвочка, не понимая словъ миссіонера..—Батюшка не пойдетъ на войну... Преслава пойдетъ спать.

— Иди спать, милое дитя, сказалъ старикъ.—Богъ да благославитъ тебя позвать Бога Истиннаго...

— Мать увела дочь укладывать спать въ отдаленный уголъ комнаты, а Божій человѣкъ остался одинъ со своими мыслями. Тогда онъ, съ теплымъ чувствомъ вѣры вознесъ сердце къ Богу и усердно молился за дѣвочку и родителей ея...

Но кто знаетъ или можетъ угадать, какъ пламенна была его молитва о милой Предславѣ?.. Кто знаетъ, не та-ли молитва о плѣнительной дѣвочкѣ, которая такъ неожиданно удивила его красотой своей въ скромной хижинѣ бѣдныхъ поселянъ, была услышана Богомъ, и защитила преступную Предславу—Ольгу, когда, съ раскаяньемъ она отвергла всѣ заблужденія вѣры отцевъ своихъ? Конечно, Богъ призвалъ ко спасенію душу ея, молитвами святаго старца, въ младенчествѣ полюбившаго ее.

— Господи Боже мой... умилосердись, спаси и помилуй это созданье Твое, была послѣдняя молитва — послѣднія слова, произнесенныя старцемъ—миссіонеромъ, когда онъ покидалъ гостепріимный кровъ этихъ бѣдняковъ...

И Тотъ, Кто обѣщалъ исполнить прошеніе каждаго, усердно молящагося, услышалъ молитву раба своего и обратилъ сердце Предславы отъ идолопоклонства—къ вѣрѣ истинной... Прошло много лѣтъ послѣ того, и мудрая Великая Княгиня Ольга, *) (въ младенчествѣ Предслава) приняла вѣру Христіанскую и просвѣтила свой народъ въ познаніи Бога Истиннаго.

---

*) Великая Княгиня Ольга родителями своими была нарѣчена Предславой.—Олегъ, при первомъ свиданіи съ ней, переименовалъ ее Ольгой, а при Святомъ крещеніи, какъ извѣстно по исторіи, она была нарѣчена Еленою.

Великая Княгиня Ольга приняла крещеніе въ Царь-градѣ. При патріархѣ Поліевктѣ, въ Царствованіе Царя Константина Багрянороднаго.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ПЕРВАЯ ВСТРѢЧА.

Была осень. Всѣ цвѣты ужь поблекли и птички не пѣли болѣе. На рѣкѣ Ветликой все было тихо, только издали долетали мѣрные удары веселъ, приближающейся ладьи...

Въ эту торжественную минуту отдыха природы, кто-то сильною рукой раздвинулъ вѣтви кустовъ, окаймлявшихъ берегъ, и появилось, словно въ рамкѣ, красивое лицо молодаго, статнаго охотника въ шапочкѣ съ соболинымъ околышемъ. Платье юноши было бархатное, зеленаго цвѣта, а красная шапочка, ярко, словно алый цвѣтъ, отдѣлялась отъ зеленой жимолости.

Заслышавши плескъ весла, и увидя ладью съ перевозчикомъ, охотникъ мигомъ очутился у берега,—за нимъ съ лаемъ послѣдовала его вѣрная собака; она тутъ же готова была вскочить въ причаливающую ладью, но юноша остановилъ ее. Онъ увидѣлъ свою ошибку:—вмѣсто ожидаемаго перевозчика, въ ладьѣ сидѣла прекрасная дѣвушка. Такой красавицы онъ нигдѣ не видывалъ доселѣ. Казалось, ей едва было 15 лѣтъ, но и въ простой одеждѣ крестьянки, она могла бы поспорить красотою съ любой нарядной городской дѣвушкой.

При видѣ ея, охотникъ не рѣшался войдти въ ладью, заглядѣвшись на плѣнительно скромное и грустное лице дѣвушки, которая съ перваго взгляда внушала любовь и уваженіе.

— Прости меня, красавица, сказалъ онъ съ улыбкой;—я думалъ встрѣтить перевозчика,— но ужь все равно,—перевези меня на тотъ берегъ.

Молодая дѣвушка, краснѣя, слушала веселыя рѣчи охотника, и стыдливо поникла головой, когда глаза ея встрѣтили быстрый взоръ юноши.

Она отвѣтила:

— Ты усталъ, и кажись, не здѣшній. Твоя собака тоже устала; я, такъ и быть, довезу васъ до берега. Рѣка быстрая, хоть и не широкая, а безъ привычки, трудно справиться одному съ ладьей.

Охотникъ прыгнулъ въ лодку, и оба сѣли въ весла.

Весело плыли они, разговаривая. Дѣвушка, казалось, охотно слушала шутки юноши; но лишь только онъ коснулся рѣчей, непривычныхъ ея слуху,—дитя природы, безотвѣтно бросила на него строгій взглядъ, и тѣмъ заставила молчать.

Пораженный ея достоинствомъ, еще болѣе чѣмъ красотой, юноша, въ нѣмомъ удивленіи, глубоко задумался... Когда ладья пристала къ берегу, онъ всталъ и проговорилъ скороговоркой:

— Спасибо тебѣ, красна-дѣвица... потомъ, выйдя на берегъ, онъ продолжалъ:

— Прошу тебя, доведи меня, если можешь, до мѣста, гдѣ-бы я могъ отдохнуть.

— Зайди, пожалуй, къ отцу моему, сказала она, привязывая лодку къ кольцу пристани.

Она повела его къ небольшой хижинѣ, не вдалекѣ отъ берега. Здѣсь встрѣтила ихъ старушка, тоже въ простомъ крестьянскомъ нарядѣ. Дѣвушка наклонилась къ ней и отдала ей на ухо приказаніе, устроить все какъ можно лучше, для спокойнаго ночлега незнакомаго юноши. Потомъ, ввела его съ собакой въ большую комнату съ низкимъ потолкомъ, гдѣ, по обычаю сѣверной страны, былъ разведенъ большой, пылающій очагъ — необходимая принадлежность зимняго и осенняго времени на сѣверѣ.

Въ бѣдности или богатствѣ—необходимы два условія въ жизни: *чистота* и *порядокъ*. При очевидномъ недостаткѣ средствъ, чтобы не сказать даже, бѣдности семьи, все что ихъ окружало, ясно свидѣтельствовало о чистотѣ и порядкѣ.

Молодой витязь, окинувъ взглядомъ тесовыя стѣны горницы, увидѣлъ ея единственное украшеніе:—нѣсколько полокъ съ домашней посудой. Деревянныя тарелки, глиняныя блюда и чаши были разставлены на полкахъ въ удивительномъ порядкѣ. Вѣроятно, старушка дѣлилась трудомъ по хозяйству съ молодой дѣвушкой; другихъ жителей въ этомъ домѣ не было.

Тамъ не слышно было сладкаго голоса, и не видно было привѣтливаго взгляда доброй хозяйки, ласково и гостепріимно принимавшей десять лѣтъ тому назадъ отца Кирилла... Хозяинъ же, по обыкновенію, былъ въ полѣ на работѣ; онъ не переставалъ грустить по своей доброй женѣ, – матери прелестной дѣвушки... Она опочила подъ навѣсомъ тѣнистыхъ лицъ, на луговой сторонѣ рѣки... и тамъ то встрѣтилъ дочь ея молодой охотникъ, и принялъ ее за перевозчика,—какъ мы это видѣли. Счастливая встрѣча доставила ему желаемый ночлегъ и добрый ужинъ.

Хозяинъ, возвратясь съ поля, былъ не мало удивленъ,

найдя дочь свою въ хлопотахъ объ ужинѣ для незнакомаго странника. Онъ зналъ обыкновенную застѣнчивость Предславы. Тихая и скромная дѣвушка, всегда равно привѣтливо встрѣчала отца, ласкалась, словно овечка къ почтенной старушкѣ, надзору которой была поручена по смерти матери, но какъ легкая серна, всегда убѣгала завидя новое лице... Понятно, что онъ долженъ былъ удивиться такой необыкновенной заботливости дочери, хотя угостить, *чѣмъ Богъ послалъ*, она всегда была готова.. Отецъ ея вспомнилъ, какъ часто Предслава отказывала, не задумавшись, женихамъ, сватавшимъ ее... Сердце ея еще никого не любило..,. Но не отъ гордости она отказывала женихамъ и не позволяла говорить о красотѣ своей... Она была скромна и, какъ сирота, избѣгала даже частыхъ свиданій съ молодыми дѣвушками ихъ села, предпочитая лучше уединенныя занятія, полезныя въ хозяйствѣ, всѣмъ шумнымъ хороводамъ; и притомъ, Предслава была бѣдная дѣвушка—и въ этомъ отношеніи ей гордиться было не чѣмъ.

Отецъ ея, похоронивъ жену, потерялъ съ нею всѣ радости, все счастье.. Скучая хозяйствомъ, онъ не радѣлъ о пріобрѣтеніи, кромѣ необходимаго, и только заботился о прокормленіи семейства. Но время — великой цѣлитель сердечныхъ ранъ;—Провидѣніе, испытуя наше терпѣніе и покорность, свыше подаетъ помощь и силы человѣку, невинно страждущему, переносить безъ ропота посылаемыя бѣдствія... Богъ, отецъ несчастныхъ, жалѣетъ дѣтей и утѣшаетъ ихъ въ горѣ. Онъ пожалѣлъ бѣднаго идолопоклонника, вѣрнаго своимъ семейнымъ обязанностямъ.

Раставшись со своей подругой, быть можетъ не разъ вспо-

миналъ онъ слова благочестиваго Отца Кирилла:—Богъ очень милостивъ къ тебѣ, сынъ мой: Онъ даровалъ тебѣ двухъ друзей, достойныхъ твоей любви, — только бойся любить твореніе больше, чѣмъ Творца его и Создателя.

Когда-же отецъ Предславы нѣсколько успокоился послѣ поразившаго его несчастія, онъ сталъ помышлять о будущности своей дочери. Онъ замѣчалъ, какъ постоянно она была спокойна, охотно исполняла всѣ обязанности по хозяйству, старалась во всемъ облегчать его потерю,—то заботясь о порядкѣ дома, то сберегая стада, ввѣренныя ея попеченію, и успѣвала во всемъ, что только предпринимала и не завидовала другимъ болѣе богатымъ жителямъ села.

Миловидность, привѣтливость и добродушіе Предславы, пріобрѣли ей общую любовь и утвердили ея отца въ мысляхъ, что она со временемъ найдетъ себѣ человѣка по сердцу, который будетъ беречь ее, когда его не будетъ на свѣтѣ; но онъ не спѣшилъ замужествомъ дочери, не желая съ нею скоро разстаться. Увлекаясь родительскимъ самолюбіемъ, онъ даже не находилъ никого достойнымъ ея по уму и по красотѣ, и радовался, когда она отказывала женихамъ.

Но обратимся опять къ нашему гостю,—молодому путешественнику. Когда вошелъ отецъ Предславы, незнакомецъ всталъ и почтительно поклонился. Онъ разсказалъ ему, какъ добродушно дочь его переправила его черезъ рѣку и обѣщала, отъ имени отца, спокойный ночлегъ въ ихъ домѣ. Ободренный ласковымъ пріемомъ хозяина, путешественникъ охотно принялъ предложеніе ужинать. Замѣтно было по всему, что гость привыкъ къ болѣе роскошному угощенью, но покорясь необходимости, весело довольствовался предлагаемой пищею, между которой дичь, зажаренная и приготовленная

доброй старушкой по наставленію Предславы, конечно была самымъ лакомымъ кускомъ.

Вечеръ прошелъ незамѣтно въ разспросахъ и разсказахъ о жизни при дворѣ Князя Олега, чему отецъ и дочь внимали съ большимъ любопытствомъ. Молодой витязь, со всею пылкостью юноши, разсказывалъ о военныхъ подвигахъ правителя Олега, о храбрости его, о побѣдахъ его надъ врагами отечества, о самодержавномъ его правленіи, объ искусствѣ взимать дани съ покоренныхъ имъ областей, не обременяя ихъ излишнимъ налогомъ, и о всегдашней готовности защищать своихъ подданныхъ отъ враждебныхъ имъ племенъ. Увлекаясь разсказомъ, молодой незнакомецъ невольно обнаружилъ все благородство чувствъ возвышенной души своей. Хозяинъ, замѣчая по всему, что гость его не обыкновенный путешественникъ, рѣшился спросить юношу, не самъ ли онъ принадлежитъ къ числу Великняжескихъ отроковъ?.. тотъ отвѣтилъ утвердительно. Тогда Предслава и отецъ ея, хотя со страхомъ, но побѣждаемые желаніемъ узнать еще болѣе о Великомъ Князѣ и дворѣ его, стали разспрашивать о молодомъ Князѣ Игорѣ: такой-ли онъ добрый въ самомъ дѣлѣ, какъ идетъ о немъ молва? и скоро-ли онъ самъ будетъ княжить?... Молодой витязь отвѣчалъ, что Князь Игорь очень доволенъ правленіемъ своего дяди Олега, и не желаетъ никакой перемѣны, пока самъ не пріобрѣтетъ довольно опыта въ этомъ трудномъ дѣлѣ.— Однако, прибавилъ онъ,— не слѣдуетъ заключать изъ того, чтобъ нашъ молодой Князь былъ беззаботенъ, или не способенъ къ дѣламъ правленія. Онъ недавно, вмѣстѣ съ княземъ Олегомъ, побилъ враговъ отечества, а въ мирное время, всегда раздѣляетъ съ нимъ труды и заботы о благосостояніи ввѣреннаго ему судьбой народа.

Хотя онъ и не войнолюбивъ и не ищетъ войны изъ одного славолюбія, но всегда готовъ поднять оружіе на защиту страны, пріобрѣтенной мудростію отца его Рюрика, и переданной ему по наслѣдству.

Пріятная бесѣда ихъ съ незнакомымъ гостемъ продолжалась долѣе обыкновеннаго часа ихъ отдыхновенія, и вся была въ пользу молодаго витязя, и добраго мнѣнія о немъ дочери и отца. Предслава слушала его живой и игривой разсказъ о подвигахъ и о неустрашимости Олега, какъ онъ, вмѣстѣ съ княземъ Игоремъ, подвергался опасностямъ, гонясь за страшнымъ медвѣдемъ, или преслѣдуя дикаго вѣпря. Дѣвушка блѣднѣла отъ страха, когда юноша коснулся событій послѣдней войны, гдѣ въ пылу битвы, онъ самъ былъ раненъ...

Предслава краснѣя невольно обнаружила, какъ неравнодушно слушала она разсказы юноши. Опасности, которымъ онъ подвергался, трогали ее болѣе, чѣмъ то приличнымъ она считала для скромной дѣвушки, и при мысли этой, еще болѣе краснѣла. Юный витязь все это замѣчалъ, и смотря на нее съ величайшимъ удивленіемъ, не понималъ, какъ могла простая дѣвушка, воспитанная въ уединеніи деревенской жизни, соединить плѣнительную скромность съ такимъ достоинствомъ.

— Она можетъ быть украшеніемъ княжескаго двора... Она достойна быть невѣстой князя Игоря!...

Такъ думалъ онъ, любуясь ея красотой..

На слѣдующее утро, передъ отъѣздомъ, онъ много хвалилъ князя Игоря, и тѣмъ возбудилъ въ Предславѣ живое любопытство видѣть его. Испытывая ее еще болѣе, онъ позволилъ себѣ выразить, что находитъ её достойной быть супругой князя Игоря. Но она тотчасъ заставила его сознаться, что

онъ не могъ говорить и думать серьезно о такомъ предположеніи.

Тогда, рѣшительно побѣжденной дѣвушкой, молодой витязь положилъ въ сердцѣ своемъ, во что бы ни стало, жить и умереть съ милой ему Предславой.

Желая свободнѣе объяснить свои чувства, онъ предложилъ Предславѣ осмотрѣть съ нимъ хозяйственныя заведенія ея отца. Въ его голосѣ и взорѣ выразилось то глубокое чувство, которое она умѣла ему внушить; онъ объяснилъ ей откровенно свое душевное желаніе избрать ее своей подругой жизни. Предслава, убѣжденная въ искренности и чистотѣ его намѣреній, согласилась на его предложеніе.

Предслава привела юношу къ могилѣ матери своей и тамъ, передъ священнымъ прахомъ ея, торжественно обѣщала быть его женой, если на то будетъ согласіе отца.

Послѣ цѣлаго дня счастія, — который прошелъ для нихъ незамѣтно,—они должны были разстаться. Юноша, покорясь необходимости, объявилъ своей невѣстѣ, что можетъ быть пройдутъ мѣсяцы и годы, прежде чѣмъ ему позволено будетъ опять видѣться съ ней и назвать ее женой своей.

Слеза блеснула въ глазахъ красавицы, когда она прощалась съ избраннымъ другомъ, въ полной увѣренности въ его неизмѣнномъ чувствѣ.

Игорь, — да, это былъ онъ самъ,— простился съ клятвой исполнить свое обѣщаніе.

Прости! ужасное слово!.. *До свиданія*! услаждаетъ надеждой горесть разлуки...

Игорь и Предслава прощались до свиданья...

Бѣдная дѣвушка, сдерживая слёзы, долго еще смотрѣла въ слѣдъ своему суженому, пока образъ его не изчезъ въ тем-

Въ тотъ день, отецъ возвратился поздно съ поля, и она, скрывая стыдливое лице на груди его, призналась краснѣ, что она полюбила чужеземнаго юношу и обѣщала ему быть его женой, если только богамъ будетъ угодно сохранить его въ бояхъ за князя и отечество.

Отецъ тяжело вздохнулъ, помышляя ужь о разлукѣ съ любимымъ дѣтищемъ, но ни однимъ словомъ не омрачилъ счастіе той, которая была ему дороже жизни... Онъ поцѣловалъ ея пылающее лице и благословилъ...

Предслава въ эту ночь видѣла сонъ:

«Далеко и высоко на горѣ стоитъ старикъ-священникъ, на колѣнахъ передъ распятіемъ Христа-Спасителя. Съ воздѣтыми руками къ небу, онъ паритъ духомъ выше всего земнаго. Онъ молитъ Бога о спасеніи души прекраснаго младенца, котораго онъ видѣлъ въ семьѣ гостепріимныхъ славянъ, и съ тѣхъ поръ никогда не забывалъ.

Демонъ стоитъ около него, и съ ненавистію слѣдитъ за пламенной молитвой благочестиваго старца;—самъ не способный ни молиться—ни любить... Вдругъ, объятый ужасомъ, демонъ изчезъ...

Лице старца просіяло неземнымъ свѣтомъ. Молитва его была услышана. Духовная радость, казалось, озарила его душу; и эта радость была вѣрнымъ залогомъ будущаго спасенія Предславы, безмятежно спящей подъ покровомъ его святыхъ молитвъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ВТОРОЕ ПОСѢЩЕНІЕ ОТЦА КИРИЛЛА.

Вблизи отъ небольшаго селенія, на горѣ, подножіе которой омывала рѣка Великая, сидѣла однажды молодая дѣвушка и пасла большое стадо овецъ. Маленкіе ягнята играли и прыгали вокругъ своихъ матокъ; одинъ изъ нихъ, оттого-ли, что остался сиротой, или ужь болѣе другихъ былъ ласковъ, стоялъ возлѣ свой хозяйки, положивъ голову на ея колѣна и прямо смотря ей въ глаза, будто желая обратить на себя ея вниманіе. Но старанія его были безъуспѣшны: дѣвушка смотрѣла на противоположный берегъ, и мыслями бродила далеко — въ мірѣ фантазіи... Бѣдная дѣвушка!... Въ болѣзненномъ страданіи души, мечта, на крыльяхъ пламеннаго воображенія, уносила ее въ далекую сторону, на поле битвы, гдѣ ей видѣлся воинъ при послѣднемъ издыханіи, обагренный кровью...она, казалось, слышала то плачь и рыданіе... то звуки оружія, то крики побѣдителей и дикія вопли побѣжденныхъ, заглушаемые топотомъ коней... Видѣніе представлялось такъ живо, какъ будто она своими глазами слѣдила за всѣми ужасами картины дѣйствительнаго сраженія...

Жалобные звуки блеянія ея любимой овечки изторгнули ее изъ забытья... Она какъ будто пробудилась отъ тяжкаго сна, и горячая слеза медленно скатилась на забытую любимицу.... Тутъ она глубоко и отрадно вздохнула, увѣрившись, что это былъ одинъ лишь бредъ ея больнаго воображенія. — Можетъ быть онъ и живъ еще?.. сказала она почти въ слухъ... И если-бы кто могъ подслушать эти слова, то легко угадалъ бы, въ печальномъ звукѣ ея голоса, мучительное чувство безотрадной тоски...

Поднявъ голову, она увидѣла странника, согбеннаго подъ тяжестію лѣтъ, который, опираясь на костыль, съ трудомъ взбирался на гору. Въ одно мгновеніе, она была около него и помогала ему взойдти.

— Благодарю тебя, дочь моя, сказалъ онъ ей, пристально всматриваясь въ ея лице... Я давно на тебя смотрю и кажется не ошибаюсь, узналъ тебя; хотя въ десять лѣтъ, ты много перемѣнилась и выросла, но глаза твои сохранили то же выраженіе... Отчего-же не видно въ нихъ прежней живости?. Развѣ тебя постигло какое несчастіе? Помоги тебѣ Господи, благодушно и съ покорностію переносить горе, посѣтившее тебя... Проговоривъ это, отецъ Кириллъ съ молитвой возложилъ руку на голову Предславы и благословилъ ее... Предслава со слезами склонилась подъ его благословеніемъ, вспоминая между тѣмъ, какъ бы во снѣ, почтеннаго старца, когда-то посѣтившаго домъ родителей ея; и ей живо представилось, вмѣстѣ съ тѣмъ, первое несчастіе ея въ жизни — потеря любимой матери... Едва вспомнила она, что мать ея ужь болѣе никогда не встрѣтитъ по прежнему ласковымъ привѣтомъ старика,

то буря невыразимаго страданья, сдержанная до того времени, разразилась потокомъ рыданій.

— Богъ, сильный, укрощающій порывы бурь и волнъ, да пошлетъ тебѣ миръ и тишину душевную! — сказалъ миссіонеръ плачущей Предславѣ.

Когда она немного поуспокоилась, онъ сѣлъ возлѣ нея и съ участіемъ сталъ слушать ея трогательный разсказъ о смерти матери, о тоскующемъ отцѣ, о его постоянной любви и попеченіи объ ней—сиротѣ; о посѣщеніи молодаго воина съ годъ тому назадъ, и объ обѣщаніи его снова возвратиться; о ея грустномъ ожиданіи и наконецъ, — какъ вечерѣющій день всегда уноситъ надежду ранняго утра.

Все это слушалъ старецъ съ дружескимъ снисхожденіемъ отца къ любимой дочери.

Уже смеркалось, когда они достигли скромнаго жилища молодой дѣвушки, гдѣ нѣкогда усталый путникъ, отецъ Кириллъ, нашелъ отдыхъ и гостепріимный ночлегъ. Вспоминая о томъ, они незамѣтно достигли воротъ знакомаго дома. Не менѣе ласково и теперь встрѣтилъ старца осиротѣлый хозяинъ. Привѣтъ гостя былъ какъ и прежде: — Миръ дому сему... и всѣмъ живущимъ въ немъ!

Съ приходомъ отца Кирилла, его святыми молитвами и благословеніемъ, сердце дѣвушки ожило надеждой, и лучь радости, просіявшій на лицѣ дочери, озарилъ душу печальнаго отца.

Въ этотъ день всѣ какъ-то веселѣе разошлись на отдыхъ.

Когда на другой день, отецъ Кириллъ встрѣтилъ Предславу на горѣ, она сказала ему:

— Батюшка, я теперь совершенно увѣрена, что онъ непремѣнно пріѣдетъ. Онъ не умеръ, и я опять его увижу!

Онъ мнѣ тогда-же сказалъ, что многіе пройдутъ годы, прежде, чѣмъ онъ назоветъ меня своей женой. О! я готова теперь ожидать его, только-бы мнѣ опять съ нимъ свидѣться! Я ужь не буду отчаяваться.—Вотъ ровно годъ прошелъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ уѣхалъ;—теперь я его стану ждать.

— А если онъ умеръ, дочь моя?...

— Ты вѣдь не умеръ, родимой, и даже меня не забылъ, хотя, кажись, мы десять лѣтъ не видались, — а ты навѣрное меня меньше любишь, чѣмъ онъ. Я говорю тебѣ, онъ пріѣдетъ, непремѣнно пріѣдетъ.

— Это правда, дочь моя, что я тебя люблю не тою любовью, которую обѣщалъ тебѣ хранить твой суженый, а болѣе:—какъ другъ твой и отецъ. Я за тебя всегда молился. Но ты должна болѣе всего любить Того, Кто тебя болѣе всѣхъ любитъ. Разставаясь съ тобою, я поручаю тебя Его покровительству и вѣрю, что Онъ услышитъ мою молитву. Не знаю, что̀ ожидаетъ тебя въ будущемъ, но вѣдай, ни одинъ волосъ не спадетъ съ головы твоей, безъ Его воли, и каждая слеза твоя будетъ тебѣ въ очищеніе души и обратится въ свѣтящійся алмазъ для увѣнчанія главы твой свѣтлой діадемой...

— Прощай, дитя мое... ты на видъ и теперь довольно красива, но будешь еще краше, когда Богу угодно будетъ обратить тебя въ свѣтлаго Ангела, сіяющаго лучами невечерняго свѣта.

На челѣ юной дѣвы отразилось вдохновеніе проповѣдника. Предслава слушала святаго старца съ радостію, хотя и не понимала еще тогда всю силу вѣры и духа пророческихъ словъ.

Здѣсь они разстались — на вѣчную разлуку... Старецъ Кириллъ,—съ надеждой свиданія въ горней обители... Но то,

что онъ посѣялъ на плодовитой почвѣ, современемъ возросло на обращеніе молодой идолопоклонницы къ истинѣ святой. Отецъ Кириллъ, въ продолженіи почти вѣковой жизни своей, въ постоянныхъ трудахъ на служеніе Богу, созрѣлъ для славы и скоро отошелъ на лоно Отца небеснаго, услышать сладкій гласъ Спасителя, призывающій вѣрныхъ Ему къ вѣчному упокоенію. А юная дѣва осталась еще на испытаніе многіе многіе годы. И сколько еще стрѣлъ построитъ противъ нея лукавый;—и сколько сѣтей раскинетъ онъ для неопытной надменно желая преобладать ея душой.

Послѣ посѣщенія отца Кирилла, молодая дѣвушка совсѣмъ перемѣнилась. Она непрестанно повторяла себѣ въ утѣшеніе:

— Когда ужь этотъ старецъ, о которомъ столько лѣтъ не было слуха, насъ не забылъ и вдругъ нежданно возвратился живъ и здоровъ, то вѣрно и тотъ, котораго я такъ нетерпѣливо ожидаю, также возвратиться. Правда, что жизнь странника не подвергалась опастностямъ и онъ не былъ призванъ къ оружію княземъ Игоремъ. Но отецъ Кириллъ, имѣя сношенія съ Велико-Княжескимъ дворомъ, увѣрялъ меня, что въ этомъ году о войнѣ и помину не было. Онъ меня тѣмъ совершенно успокоилъ! И такъ, устраняя страхъ опасности, въ отношеніи дорогаго ей витязя, она ожила надеждой будущаго свиданія. Отецъ Кириллъ боялся ей говорить о настоящемъ его опасеніи, и хорошо сдѣлалъ:—она не повѣрила бы ему! Онъ думалъ, что юноша, явившійся такъ неожиданно, давно и думать забылъ о простой дѣвушкѣ,—какъ это часто бываетъ. Предслава и понятія не имѣла о легкомысліи и о непостоянствѣ молодыхъ людей,—за чѣмъ было ее разочаровывать!..

Воспитанная въ уединеніи и простотѣ сельской жизни, она не умѣла притворятся, а потому и другихъ не подозрѣвала въ обманѣ.

Такъ прошелъ незамѣтно другой годъ. Только розы на щекахъ Предславы поблекли и глаза ея часто блистали слезой. Но, твердая въ рѣшимости, она никогда болѣе не предавалась отчаянію; и отецъ, возвращаясь домой, всегда находилъ пріятную бесѣду и постоянный порядокъ въ домѣ; когда же случалось имъ вспоминать о женихѣ, то всегда она говорила о немъ съ надеждой.

Отецъ Предславы былъ откровенный человѣкъ, и никогда не подозрѣвалъ въ другихъ дурныхъ свойствъ, ему не сродныхъ. Сердце молодой дѣвушки развилось подъ вліяніемъ примѣра и правилъ отца. Но при всемъ томъ, она никогда не возносила благодарственныхъ молитвъ истинному Богу за всѣ Его благодѣянія, и поклонялась, по наставленію жрецовъ, бездушнымъ идоламъ. Но Тотъ, кто низводитъ дождь на нивы, и повелѣваетъ солнцу сіять на добрыхъ и злыхъ, съ непостижимо-нѣжною любовію направлялъ путь ея ко спасенію и терпѣливо ожидалъ времени ея покаянія и обращенія къ Вѣрѣ истинной.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ОЛЬГА ОСТАВЛЯЕТЪ СВОЮ РОДИНУ.

Прошелъ и другой годъ въ мучительныхъ ожиданіяхъ. Бѣдная Предслава все еще не теряла надежды увидѣть своего суженаго и, слѣдуя совѣтамъ старца Кирилла, не предавалась болѣе отчаянію, только по блѣдному лицу ея замѣтно было, что злая тоска гложетъ ея сердце.

Былъ ясный майскій день. Солнце весело играло въ тихихъ волнахъ рѣки Великой, и своими яркими лучами освѣщало молодую листву деревъ и только что распустившіеся ранніе цвѣты. Птицы весело щебетали и беззаботно перепархивали съ вѣтки на вѣтку. Предслава сидѣла, какъ и въ прошломъ году, на горѣ близь своего селенія и пасла стадо. Но на этотъ разъ она не была одна, и по оживленному лицу ея замѣтно было, что разговоръ, который она вела съ собесѣдникомъ своимъ, трогалъ ее за живое.

Но кто же тотъ, кто такъ внезапно оживилъ юную красавицу?—это былъ не старецъ, который въ прошломъ году успокоивалъ ее ученіемъ Христіанской вѣры, и также не витязь, такъ внезапно нарушившій однообразіе ея безмятежной жизни.... Съ нею сидѣлъ человѣкъ пожилыхъ лѣтъ; сѣдина мѣстами серебрила его бороду, а испытующіе глаза его такъ и слѣ-

дили за каждымъ движеніемъ дѣвушки.—То былъ правитель Олегъ... Онъ только что наканунѣ пріѣхалъ въ деревню, гдѣ жила Предслава съ отцемъ своимъ, и, отпустивъ свиту, остановился въ знакомой ужь намъ хижинѣ.

Вечеромъ того же дня, Олегъ объявилъ отцу Предславы, что Игорь, наслышавшись отъ бывшаго у нихъ витязя, о небывалой красотѣ, скромности и умѣ его дочери, послалъ его, Олега, убѣдиться въ справедливости этихъ похвалъ; и если всѣ разсказы окажутся справедливыми, то приказалъ привести ее въ Кіевъ, въ качествѣ невѣсты князя.

И тутъ-то, на горѣ, Олегъ повторилъ и самой Предславѣ порученіе Игоря.

Что же отвѣтила дѣвушка на такое лестное для нея порученіе?—Ни мало не увлекаясь краснорѣчивыми доводами хитраго царедворца, она слушала разсказъ о доблестяхъ Игоря, о красотѣ его, о качествахъ его души, о пышности его двора,—но сердцемъ принадлежала другому, и только помнила о своей клятвѣ, данной на могилѣ матери, быть вѣрной жениху своему.

Она разсказала Олегу, какъ судьба свела ее съ витяземъ, какъ она полюбила его... и рѣшительно объявила, что останется вѣрной, данному ею слову, и ни за что не будетъ женою другаго, хотя даже еслибъ этотъ другой былъ и самъ Князь. Олегъ прибѣгнулъ къ угрозамъ, и сказалъ, что не смотря ни на что, Игорь возьметъ ее себѣ въ жены; а такъ какъ женихъ ея—подданный князя, то конечно онъ не посмѣетъ сопротивляться его волѣ.—Но и угрозы ничего не подѣйствовали... дѣвушка осталась непреклонною.

Убѣдясь въ честности и стойкости характера Предславы, Олегъ, въ знакъ своего уваженія къ ней, надѣлъ на ея руку

перстень,—цѣнный даръ Игоря, сказавъ:—*Симъ перстнемъ ты обручаешься съ избраннымъ тобою другомъ*; и прибавилъ, что хотя она и отказалась быть женою Князя, но все же должна ѣхать въ Кіевъ, потому что Игорь желаетъ быть на ея свадьбѣ.

На слѣдующій день, Предслава, помолившись на могилѣ матери своей и простившись съ отцомъ, отправилась въ путь съ Олегомъ и его свитой.

Послѣ долгаго странствованія, путники достигли наконецъ цѣли своего путешествія. Съ замираніемъ сердца, переправлялась Предслава черезъ Днѣпръ на княжескихъ ладьяхъ, которыя ожидали ихъ на берегу. Но, ни на что не обращала она вниманія, и всѣми помыслами стремилась только къ одной цѣли: свидѣться скорѣе съ женихомъ своимъ, хотя и страшилась, что черезъ нее онъ можетъ подпасть подъ гнѣвъ князя.

Въ простотѣ сердца своего, она и не чуяла, какая судьба ожидаетъ ее во стольномъ градѣ, — гдѣ, по волѣ провидѣнія, она, изъ простой сельской дѣвушки, не только будетъ возведена на княжескій престолъ, но и сдѣлается просвѣтительницей своего народа.

Вся трепещущая, явилась Предслава къ Гертѣ, женѣ Олега. Та, милостиво приняла ее, позволила сѣсть на коверъ у ногъ своихъ, и благосклонно слушала незатѣйливый разсказъ дѣвушки о ея семействѣ, о ея дѣтствѣ и наконецъ о первомъ свиданіи ея съ суженымъ.

Въ этотъ вечеръ, Предслава не скоро заснула. Разныя мысли тревожили ее.... То представлялся ей грозный Игорь, предъ очи котораго она должна была предстать; то чудился ея желанный...

Но день настал: ее одѣли въ богатый нарядъ и повели къ Игорю... Опустя долу очи, юная красавица шла нетвердою поступью мимо дружины князя, въ страхѣ своемъ не замѣчая, ни многочисленныхъ трофеевъ побѣдоноснаго Олега, ни всѣхъ дорогоцѣнностей, забранныхъ имъ съ бою, ни ужасныхъ кубковъ, сдѣланныхъ, по его приказанію, изъ череповъ убитыхъ непріятелей,—все, все, для нее какъ бы не существовало... и ближе подойдя къ трону, рабски пала она къ ногамъ князя...

Каково же было ея удивленіе, когда, внезапно услышавъ знакомый голосъ, она подняла глаза, —и узнала, во владѣтельномъ князѣ,—любимаго ею витязя!..

Предслава, нарѣченная, послѣ брака своего съ Игоремъ —Ольгою, изъ скромной дѣвушки, сдѣлалась энергичною и мудрою владѣтельницей всей тогдашней Руси.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Смерть Олега.

Не стало храбраго воина и великаго полководца... Въ теремахъ Олега слышатся жалобныя рыданія и вопли плачущихъ... Олегъ умеръ!.. Воины его не хотятъ вѣрить, чтобы онъ, непобѣдимый полководецъ ихъ, могъ уступить чьей либо власти, когда они, храбрые его сподвижники, подъ вліяніемъ доблестныхъ дѣлъ его, давно уже обрекли его

безсмертію... Какъ громомъ пораженные внезапнымъ событіемъ, они, будто въ первый разъ познаютъ силу и могущество неотразимой смерти... Олегъ умеръ!... а сердца ихъ отказываются вѣрить, что вѣщій-ихъ полководецъ не поведетъ ужь болѣе свою дружину въ боя и къ славѣ; никогда болѣе не раздѣлитъ съ ними мечемъ добытой дани... Они не услышатъ завѣтнаго голоса столь драгоцѣннаго для каждаго изъ его воиновъ...

Князя Олега не стало!.. и какъ онъ умеръ?... Эта мысль болѣе всего тревожила и поражала ужасомъ его воинственныхъ товарищей. Грозный побѣдитель народовъ, тотъ, котораго сама смерть, казалось, щадила и вынуждала многихъ сомнѣваться, не была-ли жизнь его заколдована, — палъ не на полѣ битвы, поражая враговъ отечества, а совершенно неожиданно,—въ своихъ собственныхъ владѣніяхъ...

По этому поводу, въ народѣ носились разные слухи... многіе думали, что онъ пораженъ былъ древними скандинавскими богами за то, что перестaлъ покланяться имъ и лишь изрѣдко только, приносилъ жертвы Перуну. Въ невѣжествѣ своемъ, народъ вѣрилъ объясненію жрецовъ:

«*Что будто-бы боги, на него прогнѣвались и отмстили за измѣну и презрѣніе къ нимъ.*» Нѣкоторые изъ жрецовъ увѣряли даже, что смерть его была предсказана за долго передъ тѣмъ, и предсказаніе состояло въ томъ; «*Что Олегъ не будетъ убитъ на войнѣ, но падетъ, пораженный своимъ любимымъ конемъ.*

Этотъ конь былъ славный, вороной, не разъ выносившій его вихремъ изъ самого пыла сраженія, и много разъ спасавшій его отъ неминуемой опасности.

Изъустное преданіе сохранило намъ повѣсть о томъ,

какъ жестоко былъ наказанъ Олегъ, по мнѣнію жрецовъ, за измѣну богамъ своего отечества.

Однажды, Олегъ, собравъ свое войско пошелъ на невѣрныхъ Хозаръ. Едва усмиренные въ одной области, они уже возставали въ другой, и тревожили Олега, болѣе всѣхъ прочихъ племенъ, исключая развѣ его неугомонныхъ сосѣдей Древлянъ. На этотъ разъ, Олегъ рѣшился примѣрно наказать Хозаръ за новыя вторженія и оставить имъ неизгладимое воспоминаніе о справедливомъ гнѣвѣ своемъ. Пошелъ войной, опустошилъ ихъ плодоносныя поля, истребилъ пожарами ихъ села до основанія; самихъ же ихъ, съ женами и дѣтьми, безпощадно предалъ мечу; наконецъ, пресытившись кровавою мѣстію онъ, въ сопровожденіи многочисленнаго войска своего, поспѣшно возвращался домой.

Дорогой, проѣзжая мимо опушки лѣса, внезапно предсталъ предъ нимъ, изъ подъ навѣса деревъ, вдохновенный прорицатель и служитель боговъ... Волосы его, убѣленные временемъ, волнами спадали на плеча, а быстрые глаза его, такъ и сыпали искры...

Старецъ устремился на Олега, и тотъ, гордо поклонившись, вручилъ ему приношеніе, прося сказать, что ожидаетъ его въ будущемъ? — Продолжится ли жизнь его на страхъ врагамъ, или же враги его будетъ торжествать побѣду надъ его смертію?

— Не отъ враговъ падешь ты, князь, проговорилъ прорицатель. — Ты погибнешь отъ своего любимаго коня.

Олегъ, какъ и всѣ его современники вѣрилъ въ прорицанія волхвовъ и, возвратясь домой, велѣлъ пустить коня поволѣ и болѣе не подавать ему.

Послѣ встрѣчи съ вѣщуномъ, спокойствіе Олега было нару-

шено... часто отчаяніе овладѣвало душею того, котораго имени только одного страшились ближніе и дальніе враги. Между тѣмъ, набѣги враждебныхъ племенъ, требовали его бдительной предусмотрительности, и надъ всѣмъ брало верхъ необузданное честолюбіе... Не смотря ни на что, и заглушая всякое другое чувство, Олегъ не пропускалъ случая, присоединить къ прежнимъ областямъ еще новыя области; и княженіе Игоря, во все время его правленія, только по имени было его, а въ самомъ дѣлѣ, все управлялось Олегомъ, самодержавно и безотчетливо... Но не одни только маленькія области дикихъ народовъ покорялъ Олегъ, онъ простиралъ виды свои и на большіе государства, что можно видѣть изъ слѣдующаго описанія современнаго ему лѣтописца.

— «Его (Олега) честолюбивые виды часто простирались за предѣлы, имъ самимъ, въ началѣ, предположенной цѣли Онъ готовъ былъ перенести оружіе свое въ самую столицу Восточной Имперіи. Ему не трудно было собрать многочисленное войско, жаждущее битвы и добычи. Число дружины его, говорятъ, простиралось тогда *до восмидесяти тысячъ человѣкъ*, которые, по мановенію его, садились на суда, и по Днѣпру, впадающему въ Черное море, подступали подъ самыя стѣны Царь-града. Ходъ войска русскихъ славянъ былъ ознаменованъ ужасомъ опустошенія. Императоръ *Левъ IV*, прозванный Философомъ, успѣлъ предупредить ихъ дальнѣйшее вторженіе, только выкупомъ тяжелой дани. Это было въ 904-мъ году. Побѣдители, съ богатой добычей, возвращались на родину, обремененные золотомъ, богатыми парчами, драгоцѣннѣйшими винами и плодами *Греціи*. Такимъ образомъ Византійскіе Императоры, добывая миръ дорогой цѣной, тѣмъ только возбуждали и ободряли побѣдителей, искать новыми

вторженіями, такъ легко пріобрѣтаемыя сокровища. Тогда не только имъ управляемый народъ, но даже и всѣ народы сосѣднихъ странъ, ослѣпленные славой такихъ блистательныхъ побѣдъ, и вспоминая, какъ постоянно счастіе благопріятствовало оружію Олега, утвердились въ мысли о мнимо сообщенной ему сверхъ-естественной силѣ — въ слѣдствіе чего, обоготворяли его.

Въ 912-мъ году, Олегъ подписалъ договоръ съ Греческимъ Императоромъ, который и теперь еще можно видѣть, въ лѣтописи Нестора. Знаменитое княженіе его еще болѣе прославилось побѣдами надъ Цесарями, основаніемъ городовъ и полезными постановленіями для блага его страны. Ничто не могло остановить исполненія честолюбивыхъ его замысловъ, и никогда въ жизни онъ не уступалъ воли своей другому, исключая развѣ, при случаѣ женитьбы Князя Игоря съ простой дѣвушкой Ольгой; и это снисхожденіе его служитъ лучшимъ доказательствомъ рѣдкихъ достоинствъ добродѣтельной Княгини. Это было одно изъ тѣхъ необыкновенныхъ явленій его жизни, которое ужъ болѣе не повторялось; напротивъ того, все и всѣ должны были ему покоряться. Всякое сопротивленіе его сильной волѣ или честолюбивымъ предпріятіямъ, мгновенно устранялось.

Отъ чего-же Олегъ, могучій, славный Олегъ не былъ счастливъ? Мученіе совѣсти не рѣдко стало посѣщать незванымъ гостемъ сердце того, кто жилъ кровавой добычей и войной..... Подобно королю Макбету, на самыхъ веселыхъ, пиршествахъ онъ видѣлъ призраки имъ убитыхъ несчастныхъ жертвъ. Печальныя тѣни *Аскольда и Дира* возмущали душевное спокойствіе коварнаго братоубійцы,

напоминая преступный совѣсти его о пролитой крови родственныхъ ему Князей. Они въ цвѣтущей молодости, также какъ и онъ, сопутствовали Рюрику и, также какъ и онъ, готовы были дѣлиться съ нимъ счастьемъ и бѣдствіемъ судьбы.... Что-же съ ними сдѣлалось?... И гдѣ они теперь?.. спятъ не пробуднымъ сномъ — убитые предателемъ —другомъ, который сдѣлалъ это единственно для исполненія тщеславныхъ замысловъ своихъ, подъ предлогомъ —услужить своимъ Князьямъ!.. Да, Олегъ совершилъ это ужасное злодѣяніе!... и какъ-бы онъ не желалъ послѣ поправить его, и избавиться отъ ужасовъ видѣній,—они не покидали его!

Но вотъ приходитъ послѣдній часъ Олега. Онъ долженъ разстаться со всѣми почестями жизни, съ ея надеждами со славой, съ тревожными мечтами, съ радостію и горемъ, съ ненавистію и любовію... все его оставляетъ... неумолимая смерть приближается тихо, нежданно—какъ тать, мгновенно похищаетъ его отъ всѣхъ благъ жизни...

Предводительствуя многочисленнымъ войскомъ, Олегъ возвращался домой, торжествуя счастливо оконченную войну. На горѣ, гдѣ онъ расположился станомъ, кубки переходили изъ рукъ въ руки, и всѣ воины охотно пили за здравіе храбраго Олега и его родственника Великаго Князя Игоря. Вдругъ мысль блеснула въ умѣ военачальника, и онъ спросилъ. — Но гдѣ же мой товарищъ, привыкшій раздѣлять со мной труды и славу?... Гдѣ мой вѣрный слуга, мой добрый конь?... Такой-ли онъ какъ былъ прежде? игривый, статный и могучій?.. Хотѣлось-бы мнѣ еще разъ увидѣть его; кажется, если не ошибаюсь, на самомъ этомъ мѣстѣ я оставилъ его... Гдѣ-жъ онъ теперь?

— Князь, отвѣчалъ одинъ изъ воиновъ его, — твой славный конь умеръ;—тамъ, вдали, на высотѣ холма лежатъ его кости....

Поникъ главой Олегъ и наконецъ сказалъ:

— Какой-же безумный!.. я послушалъ бредъ сѣдаго болтуна и отослалъ добраго коня моего... А сколько разъ онъ, выносилъ меня изъ боя?... мой ненаглядный конь!.. Ты все-бы мнѣ еще служилъ и былъ бы со мной, еслибъ я не послушалъ и не повѣрилъ бы сказаньямъ старика. Пойду, посмотрю въ послѣднiй разъ на друга многихъ лѣтъ — моего добраго коня,..

И Олегъ, въ сопровожденiи Игоря и нѣкоторыхъ изъ воиновъ своихъ, взошелъ на гору, и тамъ, увидалъ кости коня...

Князь слегка поставилъ ногу на черепъ своего любимца. какъ-бы щадя его, и грустно проговорилъ:

— «Спи, одинокiй другъ... тебя я пережилъ... судьбою назначено, что-бъ ты не преклонилъ главы подъ ножемъ жреца, какъ умилостивляющая жертва, и не оросилъ бы твоей горячей кровiю могилу своего господина. И могъ-ли бы *ты* быть причиной моей смерти? какъ-то предсказывалъ вѣщунъ. Въ доказательство его лжи теперь ты костьми лежишь передо мной!... — Ты палъ... такъ да погибнуть всѣ предсказанiя и всѣ враги Олега!..

Но увы!.. въ ту самую минуту, когда онъ кончалъ эти слова... змѣя— поселившаяся въ черепѣ, впилася ему въ ногу... и онъ упалъ отъ боли...

Ударъ этотъ сразилъ смертельно непобѣдимаго героя;— черезъ нѣсколько часовъ онъ лежалъ въ предсмертномъ страданьи на рукахъ Князя Игоря, и до послѣдняго издыха-

нія, давалъ ему мудрые совѣты въ дѣлахъ правленія. Но голосъ его сталъ все болѣе слабѣть, и наконецъ, — замолкъ на вѣки...

Олегъ скончался, оплакиваемый Игоремъ и Ольгой, которые искренно его любили. Не менѣе ихъ оплакивали воины своего мудраго полководца, такъ щедро и справедливо награждавшаго ихъ по заслугамъ.

Тризна Олега была справлена со всевозможной пышностію и великолѣпіемъ; прахъ его провожалъ народъ и многочисленное войско съ женами и дѣтьми, которые, согласно обычаямъ того времени, оглашали воздухъ воплями и рыданіемъ.

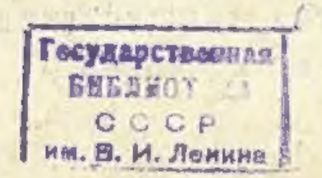
Поэзія и пѣсни являются съ самыхъ отдаленныхъ временъ въ жизни народовъ... находятъ сочувствіе даже въ сердцахъ грубыхъ дикарей... Пріятная мелодія вдохновеннаго голоса никогда не звучала напрасно. Простые напѣвы всегда находятъ въ душѣ отзывъ и любовь. На тризнѣ Олега присутствовалъ гусляръ и прословлялъ подвиги умершаго воина. Здѣсь — какъ и въ иныхъ странахъ при первомъ звукѣ пѣсни, общій восторгъ сочувствія пробѣжалъ въ толпѣ, — затѣмъ, молчаніе водворилось мгновенно. Всѣ съ большимъ вниманіемъ готовы были слушать сѣвернаго пѣвца славныхъ дѣлъ... Онъ пѣлъ великія дѣлу Олега и славу и мудрость его въ совѣтѣ посѣдѣлыхъ мужей. Онъ пѣлъ дѣла его правленья въ новомъ сѣверномъ государствѣ, и какъ онъ, первый изъ князей, посылалъ громоносныя стрѣлы въ вѣковые лѣса Древлянъ Онъ пѣлъ — какъ Олегъ со своими воинами переплывалъ бурныя волны Днѣпра... взбирался на крутизны утесовъ, презирая опасности. Руководимые его искусной рукой, его люди переправляли легкія ладьи черезъ быстро-

текущіе пороги, смиряя волны, побѣждая бури морскихъ волненій. Онъ пѣлъ—какъ ихъ безстрашный полкодецъ шелъ войной на Царь - градъ, какъ непобѣдимый герой, прибилъ свой щитъ на златыхъ вратахъ византійскихъ, и наконецъ, взимая въ Греціи насильственныя дани, спѣшилъ домой дѣлить всѣ сокровища со своими вѣрными товарищами и непобѣдимымъ войскомъ...

По окончаніи пѣсни вдохновеннаго пѣвца всѣ, присутствующіе одобрили его громогласными кликами и продолжительными рукоплесканіями.

Князь Игорь подошелъ къ пѣвцу и обнявъ его въ знакъ благодарности, наполнилъ его кубокъ шипучимъ медомъ... Кубокъ этотъ переходилъ изъ рукъ въ руки...

Князь Игорь, своими руками, положилъ въ могилу Олега его драгоцѣнное оружіе. Принесъ въ жертву, послѣдняго коня Олега, по обычаю ихъ страны, и возвратился домой съ тоской въ сердце и грустной думой на юномъ челѣ.

2007051289